

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

В детективах Патриции Вентворт
есть все: увлекательный сюжет,
захватывающая интрига и
удивительная, типично британская
главная героиня – мисс Мод Сильвер,
элегантная и слегка эксцентричная
пожилая леди. Сама Агата Кристи
не раз признавалась: во многом
Мод Сильвер стала прототипом
легендарной мисс Марпл.

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

КЛЮЧ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
СТРАННИЦЫ

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
В29

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Wentworth

THE KEY
THE TRAVELLER RETURNS

*Перевод с английского В. С. Сергеевой («Ключ»)
и Н. А. Кудашевой («Возвращение странницы»)*

Оформление В. Е. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора и
литературного агентства Andrew Nurnberg.

Вентворт, Патриция.

В29 Ключ; Возвращение странницы : [сборник] / Патриция Вентворт ; [пер. с англ. Н. А. Кудашевой, В. С. Сергеевой]. — Москва : АСТ, 2015. — 512 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-082988-0

Все считают, что гениальный ученый Майкл Харш покончил с собой.

Изобретение Харша должно было перевернуть мир науки, но плоды его труда бесследно исчезли...

Мисс Мод Сильвер, детектив-любитель, не сомневается: произошло убийство.

Анна Джослин — красивая и богатая женщина — исчезла при загадочных обстоятельствах, а ее муж Филипп унаследовал все деньги. Спустя три года он собрался жениться вновь, но его планам помешала... сама Анна, неожиданно вернувшаяся домой.

Филипп, однако, отказался признать в женщине, называющей себя Анной, свою жену и объявил самозванкой.

А вскоре подругу Анны, которая могла бы помочь разрешить их спор, убивают...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Patricia Wentworth, 1946, 1948

© Перевод. Н.А. Кудашева, 2014

© Перевод. В.С. Сергеева, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-082988-0

Ключ

Глава 1

В центре Марбери, где пересекаются две главные улицы, стоит светофор. Майкл Харш подошел к краю тротуара и увидел, как зажегся желтый свет. Человек, проводивший большую часть жизни в Германии, не станет предпринимать попыток проскочить на красный. Харш стоял на месте и терпеливо ждал, когда загорится зеленый.

Одна из двух главных улиц Марбери — прямая, словно прочерченная по линейке, вдоль которой высятся великолепные строения Викторианской эпохи. Вторая улица круто поворачивает, демонстрируя пеструю смесь домов, магазинов, контор, а для разнообразия — церковь и автозаправку. Одни дома стояли здесь еще во времена «армады»*. Другие обзавелись новыми претенциозными фасадами. Третьи, с точки зрения дешевого подрядчика, ничего особенного не представляют. В целом Ремфорд-стрит присуще несомненное очарование и индивидуальность, которых недостает Главной улице.

Майкл Харш, ожидая зеленого сигнала светофора, лениво рассматривал неровную линию домов. Вон стоит высокое и узкое здание, вздымающееся вверх на четыре этажа, со слуховым окошком в крыше; вон квадратный фасад убогого отеля с бараном на полинявшей вывеске,

* Имеется в виду «Непобедимая армада» — военный флот, направленный в 1588 г. испанским королем Филиппом II против Англии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

которая раскачивается прямо над головами прохожих. Дальше — маленький приземистый двухэтажный домик с деревянными рамами и косяками, выкрашенными в изумрудно-зеленый цвет, а над дверью — надпись золотыми двухфутовыми буквами: «Чай».

Харш повернулся обратно к светофору и увидел, как загорелся зеленый свет. Если бы он тогда перешел дорогу, возможно, многое случилось бы иначе. Но мгновение мелькнуло и прошло, неотличимое от остальных.

В голове Харша боролись решимость, которая влекла его на ту сторону, и чувство усталости с жаждой. Мужчина считал, что чашка чаю ему бы не повредила. Перейдя дорогу немедленно, он сел бы на поезд без четверти пять до Перрис-Холта, а потом на автобус до Борна. Если бы Харш отправился выпить чаю, то пропустил бы и поезд и автобус и опоздал бы к ужину, поскольку пришлось бы идти пешком по полям от Холта. Он помедлил — и тут снова загорелся красный. Тогда Харш повернулся спиной к перекрестку и зашагал вниз по Ремфорд-стрит.

Не ведая о том, он принял самое важное решение в своей жизни. Зеленый свет сменился оранжевым, и теперь три человека должны были умереть, а жизням четырех других предстояло коренным образом измениться. Однако ничто в сознании Харша не предостерегло его. И возможно — бог весть, — предупреждение все равно не произвело бы никакого эффекта.

Спустившись по улице, он перешел на другую сторону. Здесь снова предстояло принять решение, но на сей раз Харш даже не задумался. Он поднялся на три ступеньки, пересек выложенную мозаикой террасу и вошел в узкую темную прихожую «Барана». Мир еще не видывал такого неуютного места. Харш окинул взглядом лестницу и кассу, два барометра, три чучела рыб и ухмыляющуюся лисью морду, гулко тикающие старинные часы с мрачным циферблатом, стол, похожий на умывальник, с мраморной столешницей и позолоченными ножками, на кото-

ром стояла увядающая аспидистра в ярко-розовом горшке. Была здесь и огромная стойка для зонтов, и маленький дубовый шкаф. Свет не горел, свежего воздуха катастрофически не доставало. Неистребимо пахло пивом, сырыми макинтошами и плесенью.

В прихожую выходило шесть дверей. Над одной из них виднелась надпись «Столовая». Внезапно дверь распахнулась. В столовой оказалось светлее, чем в коридоре. Свет, косо падая на ухо незнакомца, появившегося в проеме, на его скулу, на плечо, обтянутое твидом, бил прямо в лицо Майкла Харша. Прежде чем Харш успел глазом моргнуть, незнакомец прошел мимо и растаял в темноте.

Майкл Харш стоял неподвижно и гадал, не встретил ли привидение. Чтобы заявлять о подобных вещах, нужно быть очень уверенным. Он не верил своим глазам. Харш заглянул в столовую, но ничего не увидел, затем повернулся и вышел на Ремфорд-стрит. Оказавшись на улице, он остановился и посмотрел по сторонам, но не заметил ни одного знакомого лица. Привидения не появляются днем. Харш сказал себе, что ошибся, нервы сыграли с ним дурную шутку. Он перетрудился, психика подвела, ну или произошел обман зрения — падающий полосами свет порой дает странные эффекты. В сознании и памяти Майкла Харша хранилось слишком много воспоминаний, ожидающих подходящей возможности, чтобы проявиться.

Убедив себя, что никого поблизости нет, Харш двинулся обратно к светофору. Он уже позабыл об усталости и жажде, позабыл, зачем зашел в «Баран», и думал лишь о том, чтобы поскорее убраться из Марбери. Но Харш потерял слишком много времени — когда доехал до станции, поезд уже ушел. Предстояло ждать полтора часа, а потом еще долго идти по полям. Ужин давно закончится, когда он доберется до дома. Но добрая мисс Мэдок позаботится, чтобы для него оставили что-нибудь горячее. Харш забивал голову подобными бытовыми мелочами, пытаясь успокоиться.

Когда он пересек дорогу и отошел на безопасное расстояние, человек в твидовом пальто и серых фланелевых брюках вышел из маленького табачного магазинчика по соседству с «Бараном». Он выглядел точь-в-точь как десятки других провинциалов среднего возраста.

Он вернулся в отель с вечерней газетой в руке. С точки зрения постороннего наблюдателя, мужчина просто вышел на минутку за газетой. Он вернулся в столовую и закрыл дверь. Единственный сидевший там посетитель взглянул на него поверх газеты и спросил:

— Он вас узнал?

— Понятия не имею. Кажется, узнал, но потом засомневался. Я зашел к табачнику и последил через окно. Он посмотрел по сторонам, никого не увидел и передумал, это у него на лице было написано. А вас он не заметил?

— Вряд ли... я заслонил лицо газетой.

Человек в твидовом пальто сказал:

— Подождите минутку! Когда вернетесь, то, возможно, узнаете, что он задумал. Харш в шоке, в сомнении, но вы должны выяснить, к каким выводам он придет. Если он опасен, надлежит немедленно предпринять меры. В любом случае уже почти все готово, однако мы позволим ему завершить опыты, если это не доставит нам проблем. Поручаю вам контроль за развитием событий.

Майкл Харш сидел на скамейке на вокзале и ждал поезда. Он был не в состоянии думать. Он слишком устал.

Глава 2

Майкл Харш вышел из сарая, в котором работал, и постоял, глядя вниз по склону, на дом в Прайерз-Энд. Поскольку он занимался опасной работой и всегда имела вероятность вмиг исчезнуть в клубах дыма, сарайчик

стоял примерно в четверти мили от дома — длинный и низкий, кое-как пропитанный креозотом, чтобы противостоять непогоде. Зато дверь, через которую вышел Харш, была прочной, а окна не только забраны решетками, но и защищены изнутри прочными тяжелыми ставнями.

Он запер дверь, спрятал ключ в карман и снова замер, глядя вдаль, на тропинку, которая бежала по склону, на вереницу ив, окаймлявших извилистое русло Борна. Саму деревню видно не было, не считая макушки квадратной церковной колокольни. В ясную погоду флюгер блестел на солнце, но сегодня солнце скрывали темные тучи. Ветер дул высоко и потому не ощущался. Странно было наблюдать, как несутся облака, в то время как на живой изгороди и на ветвях ив не шевелилось ни листочка.

«Незримые силы движут людьми — эта мысль мелькнула в голове Харша, окрашенная чем-то более серьезным, нежели меланхолия, и более суровым, нежели сарказм. — Силы, управляющие людьми, незримые, неосязаемые, непредсказуемые... пока во мраке, среди общего замешательства, не разразится буря».

Харш обратил лицо к небу и понаблюдал за летящими облаками. Он старался не наваливаться на ногу, искаленную в концентрационном лагере. Привычная сутулость стала чуть менее заметна, когда он смотрел вверх. В волосах, довольно длинных и еще совсем черных, виднелась седая прядь. Мало кто мог назвать типично еврейскими черты лица Майкла Харша — тонкие, изящные. Глаза — спокойные, карие, много повидавшие и хорошего и дурного, — смотрели на небо и на бегущие облака. Вдруг Харш выпрямился. На мгновение десять лет как рукой сняло, он снова стал молодым. В мире была разлита сила, и он подобрал к ней ключ.

Харш зашагал к дому.

Дженис Мид сидела в маленькой гостиной, которую пристроили лет сто двадцать или даже сто пятьдесят назад.

Гостиная выходила в сад. Остальная часть дома была построена намного раньше. Вероятно, он стоял здесь еще до того, как аббатство развалилось или было разрушено. Дом сохранил название с тех самых пор. Он всегда назывался Прайерз-Энд. Дорожка, бегущая к нему, не вела больше никуда, заканчивалась здесь, прямо у калитки.

Майкл Харш зашагал вперед, наклоняя голову всякий раз, когда потолок кривого коридора пересекала низкая балка, повернул ручку двери гостиной и вошел в гостиную. Дженис сидела у окна, свернувшись клубочком и поднеся книгу поближе к стеклу, к свету. Она напоминала Харшу мышку, маленького бурого зверька с ясными глазками. Дженис вскочила, когда увидела его.

— А, мистер Харш... сейчас приготовлю чай.

Он откинулся на спинку кушетки и стал наблюдать за девушкой. Дженис двигалась легко, быстро и решительно. Вода в чайнике была горячая, поэтому потребовалось не много времени, чтобы она вновь закипела на синем широком пламени спиртовки. Харш взял бисквит и отхлебнул из чашки. Дженис заварила чай именно так, как он предпочитал — очень крепкий, с большим количеством молока. Подняв глаза, он увидел, что Дженис смотрит на него. В ее глазах светились вопросы. Харш знал, что она не станет его расспрашивать, но даже ради спасения собственной жизни Дженис не смогла бы выбросить их из головы. Он ответил улыбкой и тут же стал молже.

— Да, все прошло успешно. Ты ведь это хочешь знать, не так ли?

Его голос звучал низко и приятно, с отчетливым иностранным акцентом. Харш подался вперед и поставил чашку.

— Все прошло так хорошо, дорогая моя, что, кажется, моя работа завершена.

— О, мистер Харш!..

Улыбка вновь пропала. Он серьезно кивнул.

— Да, я думаю, она закончена. Конечно, я не имею в виду «совсем». Наверное, это как будто вырастить ребенка. Вот мой ребенок, зачатый мной, без меня бы его вообще не было... Плоть от плоти моей, ну или, в данном случае, мысль от мысли моей. Между зачатием и рождением может пройти не один год. Что касается моего детища, оно в течение пяти лет днем и ночью не покидало моих мыслей. Пять лет я что есть сил работал ради той минуты, в которую произнесу: «Вот мой труд, он окончен, он безупречен. Посмотрите на него!» Дитя, когда вырастет, выполнит миссию, с которой направлено в мир. А пока ребенок нуждается в няньках. Он должен расти и набираться сил. Ему нужны учителя и наставники...

Он снова потянулся за чашкой и продолжил:

— Завтра приедет человек из военного министерства. Я допью чай и позвоню ему. Я скажу: «Ну, сэр Джордж, я закончил. Можете приехать и сами убедиться. Привозите экспертов. Пусть посмотрят и проверят. Я передам вам формулу и свои записи. Я отдам вам все. Берите харшит и пускайте в дело. Моя задача выполнена».

Дженис быстро ответила:

— Вы грустите от того, что пора отпустить «ребенка»?

Харш снова улыбнулся.

— Наверное... немного.

— Разрешите, я налью еще чаю.

— Ты очень любезна.

Он ласково смотрел на девушку, пока та наполняла чашку. Она так хотела сказать что-нибудь, чтобы Харш перестал грустить. Дженис терялась, не могла подобрать правильные слова — брякнуть что-нибудь не то было бы нестерпимо. Она могла только принести ему чай. Она не знала, что ее мысли отражаются в глазах и на губах, в румянце на щеках, в движениях умелых рук.

Харш заметил:

— Ты очень добра.
— Нет-нет...
— А вот и да. И поэтому мне очень приятно.
Он помедлил и добавил, не изменившись в голосе:
— Моя дочь сейчас была бы твоей ровесницей... может быть, чуть старше... даже не знаю.
— Мне двадцать два.
— Да... ей исполнилось бы двадцать три. Ты на нее похожа. Она тоже была худенькой и смуглой... и очень смелой. — Харш вдруг пристально взглянул на Дженис. — Только не жалея меня, иначе я не смогу о ней говорить, а сегодня очень хочется. Понятия не имею почему... — Он помолчал, потом продолжил: — Знаешь, когда случается так называемая трагедия... когда ты кого-нибудь теряешь, причем не естественным образом, а каким-нибудь способом, который вселяет в душу страх... становится очень трудно рассказывать о том, кого ты лишился. Слишком много сострадания... поэтому неловко. Говорить тяжело, потому что собеседник боится слушать. Он не знает, что сказать, и ничего не может сделать, ни он, ни кто-нибудь другой. И в конце концов вообще перестаешь говорить. И иногда мне из-за этого очень одиноко. Сегодня я очень хочу поговорить.

Дженис почувствовала, что глаза щиплет, но сдержала и слезы и дрожь в голосе.

— Вы всегда можете поговорить со мной, мистер Харш. Он дружелюбно кивнул.

— Это счастье для меня, потому что я хочу рассказать о приятных вещах. Моей дочери досталась счастливая жизнь. Мать, я, молодой человек, за которого она собиралась замуж, и много друзей. Ей дарили столько любви, и пусть даже в конце была боль, я сомневаюсь, что страдания перевесили счастье, что сейчас для нее они — нечто большее, нежели дурной сон, приснившийся год назад. Поэтому я приучил себя думать только о хорошем.

Дженис спросила вовсе не то, что собиралась:

— И у вас получается?

Харш помедлил, прежде чем ответить.

— Не всегда, но я пытаюсь. Сначала не получалось. Понимаешь, они обе погибли: жена и дочь. Мне не для кого стало жить. Когда рядом есть человек, которого нужно поддерживать, становишься очень сильным... но у меня такого человека не было. Ненависть и желание отомстить — страшный яд. Я не буду об этом говорить. Я работал как проклятый, потому что увидел способ осуществить страшную месть. Но сейчас все изменилось. Даже когда я в последний раз встречался с сэром Джорджем, яд еще не выветрился. Он оставался внутри очень долго, и хотя некоторые вещи его вытесняли, в темных уголках сидела та, другая тьма. Очень примитивная штука — а мы еще не вполне цивилизованны. Получив удар, мы стремимся дать сдачи. Если нас ранят, мы не думаем о том, насколько нам больно, мы хотим причинить боль тому, кто нанес рану... — Он медленно покачал головой. — Люди далеки от цивилизации и полны той самой глупости, которая отравляет мир.

В голосе Харша зазвучали доверительные нотки.

— Ты знаешь, что там, в кабинете сэра Джорджа, я предавался гневу, как дикарь, и наслаждался этим? Но позже мне стало очень стыдно, потому что такие вещи... это как напиться, только, конечно, намного хуже, поэтому я имел полное право стыдиться. Но теперь все иначе. Не знаю — то ли потому что я устыдился, то ли потому что мой труд окончен и я больше не могу прятаться в темных уголках. Мне нужен свет, чтобы увидеть, что такое я делаю... потому что сам не знаю. Знаю лишь, что больше не желаю мести. Я хочу дать свободу тем, кого обратили в рабство. Чтобы этого добиться, надо взломать двери тюрьмы. Поэтому я передаю харшит в руки правительства. Когда тюрьмы будут сломаны и люди снова смогут